

ЛИЛИЯ ИЛЬОШИНА

МЭТТ
ГРЭНВИЛЛ,
ВЕЗУЧИЙ
НЕУДАЧНИК

ПОЛОН ИДЕЙ
В МИРЕ, ПОЛНОМ
ЧУДЕС

Москва
Издательский Дом
Мещерякова
2019

Везучий Неудачник

«Си-ро-та. Си-ро-та», — отбивали по рельсам колеса поезда. Зов крови молчал. Мэтью Грэнвилл, теперь у тебя нет семьи, и к этой мысли надо привыкнуть. Я свернулся на диванчике и представил маму, папу, Бусинку и даже Джеймса. Один. Совсем. Глаза защипало, на нос будто прищепку нацепили, так тяжело стало дышать. Что ж, лучшее, что я могу сделать, — вспоминать их как можно чаще.

Вагон резко дернулся, и со столика посыпались вещи. Утирая слезы, я бросился их поднимать. Как на зло, пузыри раскатились по всему полу, и мне пришлось ползать, чтобы собрать их. Зато обнаружил сверток с едой и решил, что подкрепиться не помешает. Я быстренько затолкал в рот пару сэндвичей и заметил, как один пузырь тихонько крадетя к двери. На четвереньках я метнулся за ним.

И со всего маху получил по лбу. Сквозь туман я почувствовал, что кто-то трясет меня за плечи и бормочет: — Ох, прости, прости... Я нечаянно! Ну очнись же ты! Чертова дверь!

А я-то думал, что на меня свалился слон. Или Карпетаун — мы как раз должны были к нему подъезжать. Но Мэтью Грэнвилл никогда не теряет достоинства — я гордо поднял руку, чтобы произнести:

— Не стоит беспокоиться. Все в полном порядке.

Мой совет: даже в сложных обстоятельствах сначала дожевать, потом говорить. Я как-то упустил из виду, что сэндвич с огурцом терпеливо дожидался, когда его проглотят.

— Дэйв, Дэйв! Сделай хоть что-нибудь! Он же сейчас задохнется! — визжал кто-то прямо мне в ухо.

Даже когда хватаешь ртом воздух, как рыба на берегу, сложно не почувствовать, как тебя лупят сначала в грудь, а потом по спине. Я лежал, уткнувшись носом в разжеванный сэндвич. Похоже, наши с ним пути все-таки разошлись.

— Пошли, Рива, теперь он очухается. Чего время терять, — донесся до меня насмешливый голос, и я поднял голову.

Судя по стoгу волос и коллекции камней на шее, тот, кто стоял, был девчонкой. Но дырки на свитере чумовые, одобряю. Второй точно был парнем — дело не в бритой голове и накачанных руках. Это был взгляд человека, у которого все под контролем. Даже когда он сидит в инвалидной коляске.

— Ты как? В порядке? — спросила девчонка. В ее голосе явно сквозило сомнение.

Не успел я моргнуть, не то что ответить, как она кинулась поднимать с пола журналы. У девчонок всегда такая тяга к порядку, сколько б колец в ухо они ни нацепили.

— Ничего себе! Ты что, фанат Чарли Пранка? Дэйв, у него тут целая куча комиксов!

Увы, в комплекте с дырявым свитером и дырявыми ушами шел дырявый рот. Она размахивала журналами и что-то без конца щебетала, а я мечтал только об одном — чтоб они все провалились куда подальше. Лоб ужасно болел, во рту был мерзкий привкус огурца, а она все не унималась:

— ...прикинь, он тоже в Карпетаун, вон на столе приглашение! Ха, а ты переживал, что мы не пройдем! Если там будет хоть половина таких, как этот, нас с тобой с руками оторвут!

— Руки мне самому нужны. Вот ноги могу запросто отдать, — лениво протянул ее дружок-крепыш и крутнул колеса так, что коляска чуть не снесла диванчик.

— Э-э-э-э... — начал я фразу «Ребята, спасибо за помощь и все такое, но шли б вы отсюда побыстрее».

И тут бритый резко подпрыгнул чуть не до потолка, левой рукой умудрился словить пузырь и приземлился точно в кресло.

— Держи, а то намучаешься с ним потом. — Как ни в чем не бывало, Супердэйв протянул мне шарик и по рулил к двери. Рива, которая пыталась заглянуть в мое приглашение, рванула за ним.

— Увидимся, до скорого! — промычал я, когда дверь за ними наконец захлопнулась. Вежливость — мое особое качество.

Но все-таки не стоило брать билет в проходной вагон. Впрочем, в положении сироты не пошикуешь...

Я быстро сгреб вещи на стол и, как мог, оттер гадостный сэндвич. Заметила или нет? Вряд ли, я сам еле сумел с ним справиться. Я осторожно погладил приглашение по животу. Оно сонно заворочалось и слегка отогнуло уголок. В первый раз мне пришлось баюкать его два часа, прежде чем удалось заглянуть внутрь. Тут поезд тряхнуло, и приглашение снова свернулось трубочкой и захрапело. Хорошо, что я помнил его наизусть:

«Мистер Везучий Неудачник!

Школа Магии Карпетауна приглашает Вас принять участие в конкурсе на стипендию Крестоманси. Прибытие любым способом; до темноты. Письмо является

ключом, не потеряйте его. Регистрация конкурсантов обязательна. Удачи на первом испытании!

Прочее — на Ваше усмотрение.

*Куратор состязания
Аманда Дэверелл,
Могунья»*

И все. Ни тебе списка необходимых вещей, ни условий конкурса. Единственное, с чем вопросов не возникло, — это способ прибытия. А чем еще, кроме поезда, можно добраться из Закружья в Карпетаун? Не на метле же лететь!

Хотя с поездом вышло так себе. Вообще-то от нас до Карпетауна не так уж и далеко. Но когда билетер назвал цену, я решил, что кто-то из нас двоих болен. При этом я здоров.

— Двадцать один золотой?!

— Двадцать один золотой и тринадцать серебряков, — невозмутимо кивнул головой продавец.

— Да еще вчера он стоил всего восемь медников!

— Вчера стоил, а сегодня ценится. Не хочешь — не покупай, — пожал он плечами.

Я упрашивал, даже угрожал — все бесполезно. Пришлось сделать вывод, что на цену билета никак не влияют презрительные и гипнотизирующие взгляды. Жалостливые тоже. Все, чего добился, — узнал, что позавчера поездка обошлась бы в пять медников.

К билетеру подошла дама в воротнике из цельной лисы. Лиса с трудом держала в лапах чемоданы.

— Билет по Окружью, пожалуйста. С открытым выходом.

Она протянула серебряк, и ей отсыпали пригоршню сдачи.

И тут меня осенило:

— То есть если мне надо прямо в Карпетаун, это будет стоить 21 золотой, а если заехать с другой стороны, то меньше серебряка?

— Конечно. Так ты за деньги покупаешь время. А так — им расплачиваешься.

Но мне было не до таинственных превращений времени в деньги. Мэтт Грэнвилл все-таки едет в Карпетаун!

Так что уже сутки я изучал виды Окружья, хотя кое в каких из этих миров я уже бывал. Мама была против только Карпетауна. Впрочем, это уже неважно. Иногда в вагон кто-нибудь заглядывал, чаще всего студенты, которые возвращались с каникул. Тогда я старался сесть поближе. Мэтью Грэнвилл не подслушивает, он просто собирает информацию.

А как бы я иначе узнал, что в этом году конкурс закончится как раз к соревнованию городов Окружья на звание самого-самого? И что Карпетаун всерьез рассчитывает победить. Или, например, сейчас я наострил уши: двое парней говорили про ректора Феррариуса.

— Ты что, всерьез надеешься пойти к нему в ученики? Ректор после Проклятой Молли никого не берет.

— А вдруг? Буду пробовать. Хотя к могунье Дэверелл я тоже записался. Она в этом году куратор конкурса, ты б видел, какая она злющая из-за этого!

— Ну ты сравнил! Феррариус — это Феррариус! Его вон сколько в Столицу пытаются сманить, а он все время отказывается... Правда Дэверелл куратором? Ну тогда я им сочувствую, лично я ее до сих пор побаиваюсь.

— Ага. Я, когда на нее смотрю, сразу вспоминаю слова Феррариуса, что магиня — это та, которая хорошо владеет магией, а могунья — та, которая и без всякой магии тебя в порошок сотрет. По-моему, это он ее имел в виду.

— Ты ставки на конкурс делал? Если у них такой куратор, может, в этом году снова победителя не будет, как думаешь? Или попробовать на Везучего Неудачника?

— Пока нет, но точно не на него. Вообще глупость, мне кажется: все участники пробиваются через сто туров и испытаний, а один билет разыгрывают просто так, в лотерею. По-моему, это несправедливо. Вот поэтому они и вылетают быстрее всех, как самые слабые.

— Ну не скажи, все-таки разыгрывают среди тех, кто пробовал поступать и провалился, люди как-никак готовились. И я сам слышал, как Феррариус говорил, что ему нравится эта традиция. Это, мол, всегда оставляет шанс тем, кому просто не повезло на экзаменах.

— Ладно, Феррариусу видней, мне-то что... Пошли перекусим, а то пока доедем, столовка закроется.

Они поднялись и ушли. Вот и правильно, нечего тут разговоры разводить. Еще до конкурса не доехал, а они уже уверены, что я провалюсь. И вообще, хватит всякую чепуху слушать. Я вытащил коробку с надписью: «Гарантированное одиночество!» — и поставил в углу. Там были заперты кроссовки. После этого я сделал то, о чем давно мечтал: содрал с запястий магические браслеты и запихал их в шкатулку-пандорку. Если уж я еду в Карпетаун, надо отрываться по полной. Никаких ограничений, особенно в магии!

Дверь снова открылась, и в вагон зашел проводник. В этот раз он с ног до головы был увешан связками амулетов для обыкновенцев из всех миров. На фуражке мирно дремала пушистая соня. Проводник повел носом, и я почувствовал, как над коробкой с кроссовками щелкнул замок.

— Хитро придумано! — одобрительно кивнул он мне. — Ты не передумал насчет Карпетауна? Тогда давай приглашение, проверим, есть ли ты в списках.

Он порылся в карманах и достал какой-то грязный обрывок:

— Так... Китти Плюш... Ласло Восемнадцатый, две штуки... Нет тебя в участниках, Мэтью Грэнвилл!

Я заволновался:

— Не может быть! Сами посмотрите, вот же приглашение!

— Тоже мне доказательство. Знаешь, как часто их воруют? Ладно, давай посмотрю.

Я схватил со стола свиток и протянул проводнику. Письмо заворчал и попыталось удрать, но проводник цепко ухватил его за крылышки и принялся щекотать. Свиток захихикал и развернулся. Соня моментально цапнула его и растянула у проводника перед носом. Тот прочитал первую строчку и присвистнул:

— Так ты Везучий Неудачник! Вот это да! Первый за последние пять лет! Так и запишем: Мэтью Грэнвилл, через Вокзальные ворота. Приложи-ка сюда палец, только послунявь хорошенько. Ага, вот так. Сейчас Карпетаун видно будет, — хочешь посмотреть?

Больной огненной трясучкой позавидовал бы той энергии, с какой я закивал головой. Соня деловито скрутила свиток и вернула мне. И тут же свернулась клубком, даже похрапывать стала.

Я высунулся потрогать облако, но так и застыл: прямо передо мной был Карпетаун. Солнце уже садилось, и все башни и кварталы, мосты и дома начали передвигаться. Они менялись местами, как будто танцевали; даже деревья куда-то скользили и кружились; колокола Магистрата и ночные фонарики звенели. Неподвижным оставался большой замок — знаменитая Школа Магии Карпетауна. Огромный разноцветный ковер, на котором стоял город, потихоньку поднимался вверх, видно было, как дежурные маги торопливо

смаывают лестницы и дорожки, а на дозорные башни взлетают Стражи.

— Красиво, правда? Каждый раз удивляюсь, как он держится, особенно когда дома вечером передвигаются. То-то они на своем равновесии помешаны. Их понять-то можно: мало того, что с ветром надо бороться, всякие там магические колебания тоже влияют. Помню, давно, когда взрыв был, еле удержали эту махину. Представляешь, если б рухнуло? Небось всему б Окружью досталось взрывом. Вот выучишься, иди в Ткачи или Вышивальщицы — это у них самые уважаемые люди. Будешь ковром управлять.

Проводник достал из кармана флакончик и выдул из него пузырь. Деловито запихал в него свою грязную бумажку и выпустил в окно, в которое то и дело заскакивали светобуквы указателей.

— Все, надеюсь, ты справишься и войдешь через свои Ворота, а то придется ночевать прямо на вокзале. Приглашение-то не потерял?

Мэтью Грэнвилл никогда ничего не теряет, хотел сказать я, демонстрируя свиток. И в этот момент вагон резко ухнул куда-то вниз, а письмо, наоборот, рвануло вверх. Душа моя метнулась за приглашением, но коварное тело последовало за поездом. Только теперь я понял, как важна гармония. Хотя в данном случае нужнее был сачок.

Чертов свиток нежно трепетал крылышками, сидя на оконной раме. Соня проснулась и хищно облизнулась. Мы с ней одновременно прыгнули к окну, но она успела раньше. Крылышки возмущенно трепыхались в зубах. Соня извивалась и пыталась вырваться, но я крепко держал ее за задние лапы. Все-таки не зря человек — царь природы. Интеллект — страшная сила. Почему-то эта мысль так поразила меня, что очнулся я уже на полу. Было совсем темно.

— Вот, приложи холодное, сейчас пройдет, — сочувственно бормотал проводник. — Это ж как неудачно вышло... Сколько раз говорил им: эти знаки хулиганят и лезут в окна...

Нехорошее предчувствие закралось мне в душу. Как только примочки подействовали, я разлепил глаза и чуть не завыл от обиды: под правым глазом явно проступали буквы «бро», под левым — «жа». «Добро пожаловать», дорогой Мэтью! Да эти светобуквы не сойдут и за неделю! И как я появлюсь на конкурсе в таком виде?!

— Надеюсь, на Ворота это не повлияет, — озабоченно сказал проводник, усаживая соню на фуражку. Та еще дулась на меня. — Пойдем, пора.

Я наскоро собрал вещи и вышел из вагона. Левая рука твердо сжимала приглашение. Народу на платформе было немного, и все двинули к большой льдисто-серебряной арке. Мне показалось, что я заметил в толпе девчонку и крепыша. Над каждым, кто проходил через арку, вспыхивало такое красивое сияние, что я засмотрелся и не сразу понял, что кто-то дергает меня за рукав.

— Тебе не сюда. Тебе в свои Ворота. Мой совет — попробуй подружиться. Ну, удачи, Везучий Неудачник! — И проводник запрыгнул на подножку поезда, который уже разгонялся. Он замахал мне фуражкой, в которую мертвой хваткой вцепилась соня. Теперь понятно, почему она такая тренированная.

Я принялся оглядываться, но ничего похожего на ворота, дверь или хотя бы калитку не было. Да что там, меня бы устроил даже кошачий лаз. В арку зашел последний пассажир, и я немного запаниковал: теперь даже спросить не у кого, что это за ворота такие! А уже здорово стемнело. Я глянул вниз и отвернулся: со всех сторон была пустота. Платформа висела в воздухе,

выхода всего два — или к поезду, или в город. И все уже разошлись.

Нет, все-таки повезло: какой-то парень остался на платформе и нетерпеливо раскачивался на носках взад-вперед. Отвратительная привычка. Он мне вообще не понравился: вид какой-то неопрятный, руки болтаются, то нос почешет, то в ухе поковыряется. И одежда слишком вычурная, как говорит... говорила мама.

Но выбора не было, я сложил чемоданы в кучу и подошел к дылде. Вытарашенные карие глаза. Поджатые губы. Наморщенный нос. На меня смотрел я. Это я?!

Минут пять я просто тупо пялился. Потом обошел кругом. Двойник сердито взглянул на меня и снова принялся раскачиваться на носках. Потом поковырялся в носу и облизал палец. Мне стало плохо. Я всерьез задумался, а не довести ли симметрию до совершенства. Ему явно не хватало шишки на лбу и синяка под глазом. Светобуквы я был готов простить.

Над стеной вспыхнули фейерверки, заиграла музыка, и я очнулся. В этот раз приглашение развернулось за минуту, но ничего нового в нем не было — конкурс, не потеряйте, бла-бла-бла. Что делать-то? Признаюсь: Мэтью Грэнвилл — сильный духом человек, но в этот раз я был близок к отчаянью. Было б хоть у кого спросить... Но поезд уехал. А ведь проводник что-то такое говорил, точно! Советовал подружиться!

С надеждой я взглянул на мистера Грэнвилла. И зажмурился. Ну как можно подружиться с этим страшным лицом?!

— Привет, — дрогнувшим голосом сказал я.

— Привет, — проскрепищал двойник.

Ненавижу этот голос.

— Не знаешь, случайно, как мне попасть в город?

На его лице появилось такое грустное выражение, что мне стало его жалко.

— Мне нужно в город. Подскажи как, а?

Мэтью Грэнвилл-2 поежился, как от холодного ветра, и отвернулся. Он стал какой-то маленький и несчастный.

— Слушай, не обижайся, я понимаю, ты не виноват. — Я положил руку ему на плечо. Оно было мягким и теплым.

Двойник исподлобья посмотрел на меня. В его глазах были слезы, и я сам не понял, как обнял его. На миг я почувствовал теплое дыхание и знакомый запах, потом меня скрутило и закружило в пустоте. Я как будто нырнул в двойника и прошел сквозь него. Он исчез, все мое тело мерцало какими-то синими переливами, а в руке оказался пузырь с грязным обрывком бумаги.

Я добрел до чемоданов, забрал вещи и пошел к арке. Перед тем как войти в Карпетаун, я оглянулся: на платформе было пусто. Что ж, прощай, старая жизнь! Мэтью Грэнвилл идет к мечте! И я шагнул за льдистую завесу, готовый ко всему.

Не произошло вообще ничего. Надо мной не разрывались молнии, не грохотал гром. Земля не вращалась под ногами, не набрасывались драконы. Было тихо и душно. От этого мне почему-то стало не по себе. Приглашение пискнуло и намоталось на руку. Стараясь ни о чем не думать, я двинул вперед, пока не выскочил на небольшую круглую площадь. Было темно; уже поднимались вверх фонари, вкусно пахло едой. Мы с приглашением стали озираться, куда идти дальше. На другой стороне был павильон со скромной надписью: «Регистрация». От него как раз отходила какая-то девочка, она плакала. Окошко павильона медленно-медленно опускалось.

Потом я много раз слышал историю об Ужасе-из-Ворот, который вихрем пронесся по площади Уютного Вечера, сшибая все на своем пути и распугивая прохожих дикими воплями и светом дьявольских глаз. Только врожденная скромность не позволяет мне рассказать правду о том великом забеге.

Но когда до цели осталась всего пара шагов, я понял: не успеть. Окошко почти закрылось, просвечивала только узкая щель. И тут не выдержало мое приглашение. Оно отцепилось от руки и метнулось вперед на брющем полете. В последний миг письмо успело просунуть в щель свое крылышко. Окошко задергалось и поползло вверх, в проеме показалась улыбающаяся старушка.

Хоть и впопыхах, но я любезно представился и помахал довольным приглашением. Взгляд старушки застыл, но она продолжала улыбаться и все так же кивать головой. Я показал на чемоданы, громко назвал свое имя и вопросительно посмотрел на нее. Старушка улыбалась и кивала. Я обратился к ней на всех известных мне языках, даже исполнил танец-приветствие дрыгу. Старушка улыбалась и кивала как заведенная. Я замолчал, соображая, что делать. Старушка медленно сползла куда-то вниз. В павильоне что-то грохнулось. Урок на будущее: не стоит так поражать людей своими языковыми талантами.

Через минуту я объяснял очень рассерженной пожилой леди, что «до темноты» — крайне растяжимое определение.

— До темноты, молодой человек, — это когда перестанет быть светло! А не когда ничего не видно!

— Чисто технически: сказано, что до темноты прибытие, а не регистрация! Мы успели до заката! — Мы с приглашением были возмущены до предела.

— И приглашение твое какое-то дикое! А ну, дай взглянуть! Наверняка подделка!

Письмо так оскорбилось, что мгновенно развернулось во всю ширь.

— Так что ты сразу не сказал, что Везучий Неудачник?! И Ворота одолел! Не каждый может войти в себя!

Я сдержался и не стал говорить, что с тех пор успел пару раз из себя выйти. Мэтью Грэнвилл не любит все усложнять.

— Ставки пока не принимают, но, думаю, на тебя стоит сыграть, Мэтью Грэнвилл! — хитро подмигнула она, доставая здоровенную бумагу, на которой было написано: «Лист участника».

— Личные заслуги? Баллы родителей? Ходатайства жителей Карпетауна?

Каждый раз я отрицательно качал головой, и под конец мне стало казаться, что старушка пересматривает размеры своего будущего выигрыша.

— Иные преимущества? — без надежды спросила она.

— Особое Право Сироты, — выдохнул я и посмотрел прямо ей в глаза. Папа, мама, Бусинка и даже Джеймс, как же мне плохо без вас...

Старушка деликатно отвернулась, давая мне возможность смахнуть слезы.

— Все равно оно только для последнего тура, — проворчала она, ставя галочку в самом конце списка. — Ну и еще, раз ты из Закружья. Карпетаун — это город на волшебном ковре, создан великим магом Карадурном, ныне отсутствующим... Вход в город до заката, на время конкурса участники получают Стандартные права жителя... Следить за передвижками; использовать магию строго в отведенных местах... — забубнила она общеизвестное. Как будто Закружье — это Безмирье какое-то, честное слово! — Все, бросай сюда пропуск и вытаскивай

карту участника, — велела старушка, закрывая окошко и подсовывая мне какой-то ящик. — Запомни: если вынесешь за пределы города, она перестанет работать, так что, если надо куда-то уехать, прячь, не таскай с собой.

Наверное, она приняла мою обычную вечернюю задумчивость за тупость и скудоумие, потому что вздохнула, отобрала записку из пузыря и бросила ее в ящик. Оттуда выскочила переливающаяся золотистая коробочка.

Я не верил своему счастью. Дрожащей рукой подхватил сокровище. Столько надежд, столько испытаний — и вот я здесь, в Карпетауне, величайшем городе всех миров! Вот она, мечта! Я с чувством сжал коробочку. Та хрустнула и погнулась. С ужасом я смотрел на треснувшую крышку. Мэтью, запомни: с мечтами надо обращаться бережно, они такие хрупкие!

На крышке вдруг вырос миниатюрный городок, с улицами, площадями и скверами. Так это карта Карпетауна! На ней выделялась светящаяся синяя линия, которая вела к самому краю городка. Трещина разделяла его пополам, в ней застряла парочка домиков и замок с высокими шпилями. Из трещины выполз тонкий белый листок. На нем аккуратным разборчивым почерком было написано:

«Поздравляю с прибытием и регистрацией, Мистер Везучий Неудачник!

Ваше первое испытание: тупик Проигравших, 12. Одомашнивание.

Срок: неделя.

А.Д., М.»

Стараясь не привлекать к себе внимания, я собрал чемоданы и пошел туда, куда вела синяя линия. Вперед, будем одомашнивать!